

УДК 811.161.1:316.77

Борисова Ирина Николаевна

д-р филол. наук, профессор, завкафедрой русского и иностранных языков, руководитель Центра социокультурной адаптации мигрантов, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: myirena@list.ru

Borisova Irena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Languages Department, Director of Migrants' Social and Cultural Adaptation Center, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**КОНЦЕПТ «СКРОМНОСТЬ»
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ¹**

**THE CONCEPT OF «MODESTY»
IN RUSSIAN LANGUAGE
CONSCIOUSNESS**

Аннотация

В статье дается систематическое описание *скромности* как регулятивного ценностного концепта. На основе анализа данных русских словарей и повседневной коммуникативной практики доказывается высокая степень концептуализации категории *скромность* в русской лингвокультуре; обосновывается ее интерпретация как коммуникативной константы; формулируются коммуникативно-прагматические принципы ее речеповеденческой реализации в русской коммуникативной практике.

Ключевые слова: языковое сознание; коммуникативная культура; концепт; скромность; коммуникативная константа; коммуникативное поведение.

Abstract

The article provides a systematic description of «modesty» category as a regulative axiological concept and interprets it as a communicative constant. Based on the analysis of Russian dictionaries data and social communicative practices the high extent of «modesty» category's conceptualization in Russian linguistic culture has been proved. The pragmatic principles of the category's realization in the Russian communicative practice are also formulated.

Keywords: language consciousness; communicative culture; concept; modesty; communicative constant; communicative behaviour.

Развитие исследований в области аксиологической лингвистики, дающих возможность выявить коммуникативные константы культуры, характеризуется научной парадигмой, в которой «сосюрская дихотомия “язык – речь” сменяется противопоставлением языкового сознания и коммуникативного поведения» [5. С. 13]. Национальные культурные ценности закрепляются в установках коммуникативной культуры и в способах их речевой реализации. «К основным ценностям русского этноса могут быть отнесены, к примеру, такие, как соборность или общинность бытия, историческая терпеливость и оптимизм, доброта и всепрощение, скромность, бескорыстие, второстепенность материального, гостеприимство, любовь к большому пространству и дикой природе и нек. др.» [15. С. 20].

Ценностные концепты, находящие отражение в этических оценках и регулирующие отношения и поведение людей в социуме, обладают особой значимостью в картине мира каждого народа: «в основе этих концептов лежат различные смысловые ориентиры, выступающие в качестве базовых координат бытия» [5. С. 16]. Через них осуществляется координация языкового сознания и коммуникативного поведения. К таким культурным константам, характеризующим образ мысли, поведения и образ жизни индивида, относится и *скромность* – социально-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Соглашение № 14-01-00398а, проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения».

этический регулятив, «содержание которого сводится к признанию приоритета общества по отношению к индивидууму» и означает «осознанное стремление и умение человека не выдвигать себя в центр внимания, сохраняя самоуважение» [9. С. 3].

Как коммуникативная константа и компонент русского коммуникативного идеала *скромность* базируется на одноименном этическом концепте, который является фрагментом русской ценностной картины мира.

1. Концепт *скромность* в историко-культурной ретроспективе

Формирование русского этического концепта *скромность* как конститuenty русского коммуникативного и риторического идеала исторически происходило в русле общекультурных тенденций. В процессе исторического развития концепт *скромность* испытал влияние соборной древнерусской общинной народной культуры, христианской культуры с ее идеалами смирения, терпения и прощения, а также светской дворянской элитарной культуры с ее куртуазностью, повышенным вниманием к этикету, вежливости. Кстати, в психологической интерпретации *скромность* как черта вполне согласуется и с определением русского национального характера как интровертивного с этической доминантой [6].

Образ скромного и обычного – «простого»² – человека в русской художественной культуре и идеологии отмечен особой значимостью: он являлся предметом пристального внимания выдающихся русских писателей, а в тоталитарную эпоху разрабатывался как идеологема [10] советского образа жизни, претерпев переоценку в посттоталитарный период перестройки под влиянием стандартов индивидуалистской англосаксонской культуры, стихийно внедряющихся вместе с принципами рыночной экономики. *Скромный* в его контекстном синонимическом репрезентанте *простой* до настоящего времени имеет высокую частотность среди качеств самохарактеризации русских [3. С. 130–151].

В русской литературе XIX в. образ «простого»³ человека приобретает новые смысловые, эмоционально-оценочные и этические приращения благодаря образам «маленьких» людей, созданных в творчестве А. С. Пушкина (Самсон Вырин из «Станционного смотрителя»), Н. В. Гоголя (Акакий Акакиевич в «Шинели» и др.) и «униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского (Макар Девушкин в «Бедных людях» и др.).

Гендерная интерпретация русской скромности получила художественное воплощение в образах тургеневских девушек с этической доминантой скромности, способности к безграничной любви и самопожертвованию. Характеризатор «тургеневская девушка» стал нарицательным. Ср. фрагмент речи ведущей Лолиты Милявской из ток-шоу «Без комплексов» на телеканале ОРТ: [Лолита, жен., 42] *А вот вы / извините / вы совсем вот так вот скромно... э... так вот приникли / как тургеневская девушка»* [НКРЯ].

² Идеографическая синонимия прилагательных *скромный* и *простой* зафиксирована в словарях синонимов: ср. в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи»: СКРОМНЫЙ, бесхитростный, немудрый, неприятельный, неприхотливый, нехитрый, простой, разг. простецкий; СКРОМНОСТЬ, безыскусность, бесхитростность, неприятельность, неприхотливость, простота [СТСРЯ]. Это подтверждается данными И. С. Просвириной о высокой частотности синонима *простой* к слову *скромный* [13. С. 53]. Качество *простой* как контекстный синоним к определению скромного человека в значении «обычный, рядовой, не выдающийся, как все» используется в значении: «6. Ничем не выделяющийся из остальных, самый обыкновенный, обыденный», получая дополнительные смыслы от ЛСВ-4 (простой в коммуникации) «4. Добродушный, не церемонный. || Бесхитростный, простодушный; добрый и щедрый (разг. и обл.)» и ЛСВ-5 (интеллектуально несложный): «5. Глуповатый, недалекий по уму (разг.)» [ТСЕ].

³ Здесь: простой – в функции относительного прилагательного: «7. только полн. формы. Принадлежащий к непривилегированному классу, сословию (дореволюц.; первонач. недворянский) [ТСЕ].

В тоталитарную эпоху смысловые и оценочные доминанты концепта *скромность* деформировались в идеологеме «простой советский человек». Скромность как черта личности в советское время подвергается идеологизации и фиксируется как социально и идеологически обязательное качество образцового советского человека в п. 7. «Морального кодекса строителя коммунизма»: «7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» [12]. Традиция идеологической интерпретации образа заложена уже в учебниках по истории для младших классов, в которых вождь пролетарской революции В. И. Ленин мифологизирован как квинтэссенция «простого человека».

Вот фрагмент воспоминаний современницы вождя врача Е. А. Нечкиной из Полного собрания сочинений В. И. Ленина, написанный в стереотипном для советского времени идеологическом ключе: «Меня часто спрашивают: каким был Ильич? Не задумываясь, я всякий раз отвечаю: простым и скромным»; «Навечно остались в моей памяти встречи с Владимиром Ильичом, его светлый образ, душевная простота» [1. С. 244]. Или фрагмент из воспоминаний С. К. Гиля «Шесть лет с Лениным»: «Владимир Ильич был категорически против личной охраны, торжественных встреч и всяческих чествований. Он никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчиненными был естественно прост. <...> – До чего прост, до чего добр! – говорили ходоки. – Вот это – человек! – Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмости, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке» [2].

Навязанный советской идеологией образ Ленина многократно растиражирован впоследствии литературой соцреализма. Ср.: *Ленин прост – как материя, / как материя – сложен* (А. Вознесенский. Лонжюмо); *Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как всё, что говорилось им. Героизм его почти совершенно лишён внешнего блеска, его героизм – это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигент-революционера* (М. Горький. Очерк «В. И. Ленин»); *Глядел скромней из самых скромных. / Застенчивый, простой и милый, / Он вроде сфинкса предо мной. / Я не пойму, какую силой / Сумел потрясть он шар земной? / Но он потряс...* (С. Есенин. Гуляй-поле).

Фразеологический характеризатор *простой как Ленин* в функции положительной оценки человека используется и в постсоветскую эпоху: *Простой, как Ленин, – так характеризует Зубкова Виктор Павлович. – Но мы с ним только по соседски общались, не более.* Это же речение, но уже в ироническом употреблении, вынесено автором в заголовок цитируемой статьи: «Простой, как Ленин. “МК в Питере” нашел семейное гнездышко и гараж Зубковых–Сердюковых» [14].

Заданные идеологией и официальной пропагандой стандарты были впоследствии отшлифованы советской литературой в русле кампании «Сталин – это Ленин сегодня», или «Сталин – простой великий человек»: для иллюстрации достаточно отзыва известного грузинского режиссера Михаила Чиаурели из сборника «Встречи со Сталиным» (1939), который писал о «необычайной, без тени снисходительности, простоте Сталина» [16].

В посттоталитарную эпоху образ простого человека деформировался в образ «совка», за которым скрывается, по мнению Л. Гудкова, типаж определенного социального человека с синдромом социальной недееспособности и комплексом жертвы [3. С. 53].

В настоящее время концепт *скромность*, как и вся русская концептосфера, испытывает деформирующее воздействие англосаксонской культуры. Вместе с

заимствованием новых жанровых форм и коммуникативных событий (русские версии американских сериалов, ток-шоу, реалити-шоу; презентация; резюме и под.) происходит проникновение инокультурных коммуникативных стратегий самопрезентации в различные сферы общения. Так, стремление занять вакантную должность в конкурентной ситуации трудоустройства порождает необходимость при самопрезентации собственных достижений («манеры, в которой личность заявляет о своих достоинствах, достижениях» [15. С. 110]) стратегии саморекламы, для русского коммуникативного сознания находящейся за рамками концепта *скромность*: *Скромный человек сам свои заслуги не оценивает* [СД]. Ср. сопоставительные наблюдения И. А. Стернина: «В русском коммуникативном поведении самопрезентация достижений носит сдержанный характер. В США принято прибегать к агрессивной самопрезентации – *я лучший специалист, я преуспеваю, у меня все было, есть и будет отлично*. Американец легко и просто назначает себе высокую цену как профессионалу, запросто утверждает, что он все прекрасно знает» [15. С. 110]. Подобные нарушения лингвокультурных скриптов наиболее заметны в современных публичном и институциональном дискурсах. Необходимость вербализации позитивной самооценки в русской коммуникативной практике регулярно сопровождается превентивными речевыми поступками, которые свидетельствуют о том, что говорящий осознает *границы* русского концепта *скромность*. Ср. фрагмент из радиоинтервью с Леонидом Агутиным:

Журналист. Серьезно. Я знаю / что есть чем гордиться. Ты во многих чартах на первом месте.

Агутин. Ну я вообще скромный человек и считаю / что...

Журналист. Вот сейчас надо немного саморекламы сделать

Агутин. *Скромность людей украшает* / да / но не сегодня. Поэтому / да / есть чем гордиться [НКРЯ].

Для сравнения приведем соответствующий русскому лингвокультурному скрипту пример самопрезентации В. Новодворской из дискуссии с В. Алкснисом в эфире радиостанции «Эхо Москвы»: [Новодворская, жен] *А я отнюдь не самый эффективный и способный человек в этой стране / тем более что я бизнесом не занимаюсь / я просто скромный журналист* [НКРЯ].

Укорененные в русской ментальности и транслируемые из поколения в поколение в непринужденном межличностном общении коммуникативные практики скромности противостоят инокультурной интервенции и размыванию границ этого ценностного концепта.

2. Скромность как русский ценностный концепт

Не претендуя на сколько-нибудь полное описание концепта *скромность*, невозможное в рамках заданного объема, попытаемся выделить лишь его релевантные для русского общения черты как единицы ментальности – «миросозерцания в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющего интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [7. С. 15] – с опорой на данные лексикографической практики (словарей толковых, синонимов, антонимов), ассоциативного опроса и специальных исследований.

Ядро концепта *скромность* составляет понятие о социально одобряемом качестве личности. Словарь по этике определяет скромность как «моральное качество, характеризующее личность с точки зрения ее отношения к окружающим и самой себе», как форму «осознания личностью своих обязанностей перед обществом и окружающими людьми» [СЭ]. Контекстные реализации концепта *скромность* в спонтанной диалогической коммуникации в одном ряду со значимыми для гово-

рящих позитивными характеристиками человека также свидетельствует о прочной укорененности в современном языковом сознании скромности как одобряемого качества личности: *А там мой первый наставник здесь по заводу. И Анатолий Фёдорович Паниковский / они мне вообще вложили всё / но это мой эталон скромности. Он очень скромный / вот я ещё таких людей никогда не встречал / очень скромен / вот он всё время работает / он всё время занят / он ходит. Он сам технолог / вот / литейного цеха / но я таких людей очень редко встречал. Ходит он всё время / но я не знаю / когда он спит / когда он отдыхает / и он всё время с металлом / с металлом* [НКРЯ]; *И вместе с тем это был человек очень скромный и никогда не преувеличивавший своих познаний* [НКРЯ].

В толковых словарях русского языка лексема *скромный* преимущественно определяется через отсутствие оппозитивных данному качеству проявлений: 'лишенный тщеславия, высокомерия' [БТС], 'лишенный высокомерия и заносчивости' [СУ]. В словарных дефинициях часто используются конструкции с отрицанием: 'не хвастливый' [СОШ]; 'не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг; неприязнательный, не предъявляющий больших требований; не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания; незатейливый, небогатый' [БТС]; 'не имеющий обыкновения подчеркивать свои достоинства, хвастать своими заслугами; без претензий на роскошь, богатство или особое изящество' [ТСЕ]; 'такой, что не стремится выказывать свои качества, достоинства, заслуги; не слишком развязный' [СУ]; 'невзыскательный за себя; не ставящий личность свою наперед, не мечтающий о себе' [СД], а лексема «скромность» как 'невзыскательность в отношении себя, незаносчивость, нехвастливость' [ЭСП]; 'невыказывание своего превосходства, невзыскательность в требованиях к условиям жизни и отношениям', которое 'выражается в отсутствии хвастовства, развязности, в сдержанности выражений, суждений, в редком обращении с просьбами' [ОДК].

Можно предположить, что лексикографическая тенденция дефиниционной негативности объясняется несколькими причинами. Во-первых, скромность онтогенетически, в процессе социализации, усваивается ребенком как совокупность запретов на определенные личностные проявления в коммуникации. Во-вторых, в обыденном сознании скромность отражена как культурная ценность и имплицитная норма русского коммуникативного поведения, вследствие этого она воспринимается как нейтральный нормальный фон, а фигурой являются (замечаются, т. е. негативно оценочно маркируются) в первую очередь отступления от нее. В-третьих, скромность избегает нарочитой демонстрации ('демонстрация скромности' – оксюморон), и можно предположить, что ее основным коммуникативным показателем в дискурсе является именно нулевая выраженность оппозитивного качества – отсутствия нескромности. Именно поэтому словари в негативных конструкциях фиксируют отсутствие нескромности как стандартное и регулярное проявление скромности, что подтверждает статус этой константы как русской коммуникативно-этической нормы и вполне согласуется с определением культуры Ю. М. Лотманом как системы норм и запретов [11].

Тот факт, что лексикографическая практика описания *скромности* основывается на фиксации в словарях табу-проявлений (девиантных качеств и поступков), не соответствующих представлению русских о скромности, позволяет квалифицировать доминирующую дефиниционную стратегию как *ограничительную*, мотивированную стремлением исследователей провести границу между личностными, поведенческими, коммуникативными, мировоззренческими проявлениями скромности и нескромности. Та же тенденция наблюдается в описательных характеристиках русского национального характера и речевого поведения. Ср.: «Русский человек не стремится любым способом произвести впечатление, выделиться, обратить на себя внимание. Если в какой-либо среде появляются люди, активно

стараящиеся привлечь в себе внимание своим поведением, общественное мнение их осуждает – это считается нескромным» [15. С. 209].

Стратегии лексикографов согласуются с зафиксированный в этимологических словарях внутренней формой слова, несущей в себе образ *края, границы, ограничения*: «Производное от *krom-; ср. kromы мн. “ткацкий станок”, которое связано с д.-в.-н. (h)gama “рама, станина”, первонач. “тот, кто держится в рамках, сдержанный” [ЭСФ]; «Древневерхненемецкое – (h)gama (рама, граница). Общеславянское – krom (рама, кромка, грань). Чешское – skrovny (скромный, умеренный). Польское – skromny. Слово “скромный” известно в русском языке с XVII в. Слово заимствовано из польского, где skromny, предположительно, восходит к чешскому skrovny (скромный, умеренный, незначительный, первоначально – маленький, скудный, немногочисленный). Славянское skromny – производное от основы krom-, восходящей к древневерхненемецкому (h)gama (рама, граница), откуда первоначальное значение слова – «тот, кто держится в рамках, сдержанный» [ЭСС]; «Заимствование из польского, в котором skromny образовано с помощью предлога с – и существительного *kroma* (“граница”) в творительном падеже. Буквальное значение – “ограниченный”» [ЭСК]. В синонимических репрезентациях концепта в современном русском языке представлены все этимологически зафиксированные смыслы.

Таким образом, лексикографическая практика отражает прототипический смысл концепта, т. е. лингвокультурные представления о скромности как ограничительной регулятивной категории поведения, в том числе коммуникативного, и словари в общем виде очерчивают границы скромности. Эти ограничивающие параметры представлены в виде отрицательно оцениваемых девиантных характеристик, включенных в дефиниции толковых словарей: *стремление выказывать свои качества, достоинства, заслуги; высокомерие и заносчивость, развязность* [СУ]; *подчеркивание своих достоинств, хвастовство своими заслугами* [ТСЕ]; *проявление гордости, бесстыдства* [ССАб]; *выказывание тщеславия, предъявление больших требований, стремление выделяться, кичливость* [ASIS]; *грубость* [Психологос]. О поведенческих табу как ограничителях концепта *скромность* свидетельствуют и словари антонимов, в которых отступления от нормы скромности отмечены негативной коннотацией. Ср., например, глаг.: *бахвалиться, возгордиться, выёживаться, выпендриваться, выпячивать себя, выступить, заноситься, задаваться, кичиться, хвалиться, хвастать(ся)*; прил.: *бесстыдный, высокомерный, гордый, заносчивый, наглый, нахальный, непристойный, неприличный, несдержанный, развязный, самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый, тщеславный, хвастливый*; сущ.: *неумеренность, гордыня* и др.

Нежелательность описанных девиаций русским языковым сознанием обобщена в поведенческой установке *избегать крайностей* – «быть как все», фиксируемой в речи устойчивыми сочетаниями императивного характера: *не высовывайся, не выделяйся, не привлекай внимания, не переходи границы, не выпендривайся; будь как все; инициатива наказуема* и под. Наличие *как все* в самопрезентационном высказывании может считаться лексическим маркером скромности: *Скромность его. Он был такой как все; Дед работал / как все / но не водителем такси / ну грузчиком в магазине / что-то ещё делал такое. Эт просто я наряжаюсь / а ходила я как все / в платье; Вы знаете / я росла в то время / когда чувство стабильности было нам при рождении дано / и мы делали так / как все; Я готова / как все / вот если все решат / я с удовольствием; Ну вот я / говоря / мне было проще / до какого-то возраста жил как все. Мне повезло с профессией* [НКРЯ].

Словари синонимов дают представление о разветвленных синонимических связях лексических номинаций концепта. В информационной базе синонимов ASIS *скромный* имеет 77 синонимов, *скромность* – 43. Сплошная выборка из раз-

личных словарей синонимов позволяет выявить объектные области приложения характеристики *скромный* к человеку, объединенные *общей идеей самоограничения* с категориальными идентифицирующими семами 'ограниченный', 'умеренный', 'воздержанный', 'сдержанный':

- в нравственной сфере: *благодравный, кроткий, смиренный, стыдливый, целомудренный; строгий в нравственном отношении;*

- в отношении соблюдения приличий и этикета: *благопристойный, вежливый, воспитанный, деликатный, приличный, пристойный, тактичный, чинный;*

- в общении и отношении к собеседнику: *безыскусственный, безыскусный, бесхитростный, беспритязательный, конфузливый, некичливый, нехвастливый, простой;*

- по внешним проявлениям: *неяркий, негромкий, тихий, неброский, простой, недорогой (по отделке, убранству);*

- в сравнении с подобными: *невывделяющийся, невыдающийся, посредственный;*

- в отношении к быту и достатку: *непритязательный, неприхотливый, малопритязательный, невзыскательный, экономный, отличающийся нетребовательностью;*

- в проявлении эмоций: *беспафосный, сдержанный;*

- по объему занимаемого пространства: *малый, небольшой;*

- по положению в пространстве: *крайний, нецентральный.*

Данные словарей поддерживаются результатами ассоциативного опроса [РАС]. Зафиксировано 103 реакции на стимул *скромный*, из них различных – 51, одиночных – 41, отказов – 5. Среди синтагматических реакций на прямое значение доминирует объект оценки с категориальной семой 'человек' (всего 60): *человек 20, мальчик 12, парень 11, друг, малый, юноша 2, брат, враг, девочка, знакомый, идиот, мужик, политик, симпатяга, скоморох, сосед, старик, тесть, тихоня, труженник, я 1*. Среди них по три с ярко выраженной позитивной (*друг, симпатяга, труженник*) и негативной (*враг, идиот, тихоня*) оценкой. По одной негативной реакции на интенсивность качества (*до ужаса*) и на образ действия (*намеренно*). Синтагматических реакций на объект оценки – предмет, объект вещного мира – 10: среди них 7 реакций на коммуникативно значимые феномены: *поступок 1, вид 1, наряд 2, подарок 2, костюм 1*; остальные – *доход, завтрак, морковь 1*.

Приведенная выборка позволяет констатировать: 1) эссенциальное для русской культуры доминирование позитивных коннотаций одобрения в синонимических номинациях проявлений скромности; 2) широкий диапазон коммуникативно релевантных качеств человека, оцениваемых в терминах скромности; 3) высокую соотнесенность проявлений скромности с морально-этическими нормами и этикетными предписаниями.

И. С. Просвирнина считает, что тенденция дефиниционной негативности в словарных толкованиях этой лексемы свидетельствует о низкой степени концептуализации скромности в русской лингвокультуре: (в сравнении с китайским концептом) «в ядре русского концепта основная понятийная характеристика не выражена, хотя образ и оценка скромного поведения представлены» [13. С. 53]. Однако на основании анализа лексической синонимии можно констатировать достаточно высокую степень концептуализации *скромности* в русской лингвокультуре: 16 синонимических репрезентантов позитивной выраженности понятийной характеристики из 37 номинаций выборки.

О высокой степени концептуализации *скромности* в этноязыковом сознании красноречиво свидетельствуют приведенные в «Русском ассоциативном словаре» обратные ассоциативные реакции, т. е. стимулы, вызывающие реакцию *скромный*.

Всего таких стимулов – 156, из них различных – 44, единично встречающихся – 31. Абсолютно доминируют (115) парадигматические синонимические реакции, позитивно характеризующие человека, в которых *скромный* является гиперонимом по отношению к стимульным словам: *застенчивый* 34, *стеснительный* 30, *тихий* 19, *стыдливый* 15, *робкий* 5, *кроткий* 4, *молчаливый* 3, *немногословный* 2, *несмелый* 2; только единичный стимул (*забитый* 1) имеет отрицательную коннотацию. Парадигматические антонимические обратные реакции (всего – 11) демонстрируют негативную оценку девиантов скромности: *гордый* 4, *заносчивый* 3, *блатной* 1, *высокомерный* 1, *наглый* 1, *надменный* 1, *упрямый* 1. Оппозиция *обычный* 1 vs. *выдающийся* 1, *известный* 1 по шкале *скромность* подтверждает наши наблюдения о значимости в русской культуре производного концепта «простой человек».

«Ограничительные девианты» в словарных толкованиях *скромности* могут быть прагматически интерпретированы как регулятивные коммуникативные установки запретительного характера, очерчивающие границы общепринятого понятия о скромном коммуникативном поведении. Они фиксируют нежелательность речевых поступков, которые могут быть оценены собеседником как нескромные. К таким коммуникативным поступкам и проявлениям в диалоге, по данным словарей, могут быть отнесены:

- стремление к коммуникативному доминированию и превосходству над собеседником (высокая самооценка, самоуверенность, самовосхваление, самолюбование, хвастовство);

- несанкционированное вторжение в личностную сферу коммуникативного партнера («неудобные» вопросы, табуированные темы и под.);

- открытое выражение негативных оценок коммуникативного партнера (неодобрение, осуждение, вышучивание, насмешка, колкость, ирония, издевательство, оскорбление и под. унижение КП);

- открытое выражение сильных отрицательных эмоций, направленных на коммуникативного партнера (*злиться*, *ругаться*, *накричать*, *грубить*, *быть в ярости* и под.);

- категоричность в выражении суждений (*утверждать*, *заявлять*, *вещать*, *проповедовать* и пр.);

- настойчивость, назойливость и неумеренность в просьбах (*заставлять*, *настаивать*, *требовать*, *приказывать*, *вымогать*, *клянчить*, *канючить* и под.).

В практике общения наличие таких поступков в речевой партии коммуниканта позволяет квалифицировать его манеру самопрезентации как нескромную, в то время как их отсутствие (нулевая речевая репрезентация) как культурную норму.

Таким образом, концептуализация скромности в языковом сознании русских как категории ограничения коммуникативных проявлений личности дает достаточно отчетливые прагматические ориентиры для коммуникативной практики, как в продуктивной (построение собственного коммуникативного поведения, соответствующего коммуникативному идеалу), так и в рецептивной (оценке чужих коммуникативных проявлений) речевой деятельности.

3. Биполярная организация русского концепта *скромность*

Анализ связей слова *скромный*, зафиксированных в [РАС], позволяет судить об оценочном потенциале концепта. Выборка коннотативно маркированных реакций на стимул *скромный* свидетельствует о том, что качества, ассоциируемые со скромностью (ее наличием или отсутствием), как и репрезентирующие эти качества объекты, оценочно интерпретируются русскими информантами. Амбивалентными условимся считать качества, которые в различных коммуникативных

ситуациях могут оцениваться информантами и как положительные, и как отрицательные.

Среди прямых ассоциатов (всего различных – 51) оценочных синонимических реакций зафиксировано 22: *застенчивый* с частотностью 4 и 21 единичная реакция. Из последних с положительной коннотацией – 6: *интеллигентный, милый, симпатяга, труженик, умный, честный*; с отрицательной коннотацией – 7: *грустный, идиот, комплексы, ненормальный, сутулый, тихоня, пропащий*. К негативно-оценочным можно отнести еще 3 реакции: на крайнюю степень проявления признака – *до ужаса*; на интенциональное, демонстративное проявление качества – *намеренно*; отрицание самого существования качества – *не бывает*. Противопоставленные качества-ассоциаты – 2: *бойкий 1, непосредственный 1*. Зона потенциально амбивалентной оценки скромности конституируется четырьмя различными прямыми реакциями: *застенчивый 4, тихий 1, стыдливый 1, такой 1* (всего реакций – 7).

Для полноты картины приведем обратные реакции (44), из которых оценочных различных насчитывается 29. Из них синонимических различных с положительной коннотацией – 6: *кроткий 4, экономный 2, милый 1, хороший 1, серьезный 1, точный 1* (всего – 10); с отрицательной – *забитый (1)*. Зона потенциально амбивалентной оценки формируется 12 различными реакциями: *застенчивый 34, стеснительный 30, тихий 19, стыдливый 15, робкий 5, молчаливый 3, немногословный 2, несмелый 2, неизвестный 1, обычный 1, проще 1, разный 1* (всего – 114). Противопоставленные различные отрицательно маркированные качества-ассоциаты – 11. Из них антонимические негативно-оценочные реакции исключим как качества-девианты находящиеся за границами концепта: *блатной 1, гордый 4, заносчивый 3, высокомерный 1, знаменитый 1, известный 1, наглый 1, надменный 1*. В зоне противопоставления остаются позитивное качество *энергичный 1* и амбивалентное *упрямый 1*.

Обобщение количественных данных приводит к следующим результатам. Среди прямых и обратных реакций-ассоциатов, находящихся в зоне концепта *скромность* (антонимические негативно оцениваемые ассоциаты были исключены из рассмотрения как девианты-ограничители), выявлено:

- позитивно оцениваемых различных – 11, всего реакций – 16;
- негативно оцениваемых различных – 8, всего реакций – 8;
- в зоне амбивалентной оценки различных – 14, всего реакций – 122;
- противопоставленных позитивных – 3.

Полученные данные, в частности сопоставимое количество различных позитивных (11) и негативных (8) оценочных интерпретаций качеств и реалий в поле концепта, красноречиво свидетельствуют о биполярности концепта *скромность* в русской лингвокультуре. Преобладание абсолютного количества позитивных (с учетом повторяющихся) реакций над негативными в 2 раза (16 к 8) подтверждает вывод об общекультурной оценке скромности как положительного этического качества личности.

Обширность зоны потенциально амбивалентных ассоциатов *скромности* (абсолютное количественное преобладание амбивалентных ассоциатов – 121 – над позитивными и негативными), с нашей точки зрения, свидетельствует о ситуативном характере возможной оценки: в применении к одному человеку (например, девушке) застенчивость может быть милой и очаровательной, но это же качество будет стремиться к отрицательному полюсу оценки участника конкретной ситуации, где требуется решительность и общительность. Амбивалентность оценки скромности в ассоциативном эксперименте подтверждается контекстами живой речи: А. *А нам с Настей больше всех другой мальчик понравился / с краю сидел который...* – Б. *Ага / поняла//* – В. *Ну / он какой-то скромный слишком. Такой за-*

битый / молчаливый какой-то. Как его зовут? Леша / да? [НКРЯ]; Президентом Академии наук тогда был академик Карпинский / замечательный геолог / обаятельный старик / маленького роста / очень приятный собеседник / чарующий своей скромностью и простотой [НКРЯ].

Количественный анализ зоны амбивалентности позволяет выделить наиболее частотные ассоциаты-амбиваленты скромности; среди прямых и обратных реакций регулярно повторяются: застенчивый 38, стеснительный 30, тихий 20, стыдливый 16, робкий 5, несмелый 2, молчаливый 3, немногословный 2. Они могут быть качественно интерпретированы как крайние проявления скромности, способные помешать в достижении целей, самовыражении, социальных контактах, в конечном итоге – достижении успеха в жизни, ограничивая таким образом возможности личности.

Осуждение крайних проявлений скромности фиксируется в [РАС] ассоциатом негативной оценки до ужаса (1). В коммуникативно-прагматическом отношении эти качества характеризуют низкую общительность человека, могут являться причиной его коммуникативных неудач. О. В. Кошманова отмечает, что в русской культуре «осуждается чрезмерная скромность, граничащая с робостью» [9. С. 3–4]. Е. И. Зиновьева также констатирует, что негативная оценка *скромности* связывается с *застенчивостью*, которая «часто рассматривается как высшее или крайнее проявление скромности, ее следствие: «*Скромный, даже застенчивый*» (Катерли Н. Брызги шампанского // Звезда, 2000) [4. С. 6]. На биполярность концепта указывает и возможность амбивалентной оценки при употреблении характеризующих номинаций *скромница* и *скромник*: *стоит в уголке, строит из себя скромницу, а сама...* (ср. негативная оценка ассоциата *намеренно* в [РАС] как неискренности и демонстративности в проявлении скромности): *ага/ скромник нашелся* – в ирон. употреблении).

Биполярность концепта проявляется в его способности к речевому развертыванию в двух оценочно-интерпретационных направлениях «скромность как сила – достоинство» и «скромность как слабость – комплекс». Их психологическая мотивация сформулирована О. В. Кошмановой: «Первая ветвь образования базируется на самосознании индивида, характеризующемся сформированным морально-этическим кодексом, самоуважением и готовностью принять ответственность за свои действия, позитивной социальной идентичностью и закрепленным социальным статусом (взаимосвязи с «высокой интеллектуальной деятельностью», «трудюбием»). Второе направление вытекает из отсутствия гармонии в воображаемом и реальном статусе индивида, неуверенности, страха, неспособности завязывать интерперсональные контакты и боязни социальной оценки» связывается с низкой профессиональной реализацией, отсутствием таланта [9. С. 16–17].

Интересно противопоставление в [РАС] стимула *скромный* позитивным ассоциатам *бойкий, энергичный и непосредственный*, которое обнаруживает оценку *скромности* как качества, препятствующего активности и открытому, искреннему самовыражению. Это подтверждается наблюдениями Е. И. Зиновьевой о «противопоставлении в контекстах таких свойств личности как *тихий, скромный, застенчивый* и *сильный, смелый, боевой, активный* [4. С. 6]. Ср. в контексте диалога: *А / ну уже когда идёшь воспитателем / ну ведь не будешь же сидеть и скромничать / я не умею* [НКРЯ].

На биполярный характер категории скромности указывает и организация синонимического ряда с негативной коннотацией крайних проявлений скромности: *прибедняться, скромничать* содержат компонент «отрицательная оценка поведения субъекта (более резкая в случае *прибедняться*)» в культурном скрипте: *Х скромничает <прибедняется>, говоря о Р = 'Х* сделал или имеет хорошее Р; говоря о Р, Х преуменьшает его ценность; говорящий считает, что Х знает истин-

ную ценность Р и преуменьшает ее с целью понравиться адресату своей скромностью или вызвать у него сочувствие к себе, причем неискренность субъекта отрицательно оценивается говорящим» [НОСС. С. 1030]. Выбор говорящим одного из двух синонимов оценки коммуникативного поведения человека определяется мотивировкой его речевых действий, что фиксируется словарем: желание понравиться адресату своей скромностью, услышать его похвалы или соблюсти этикет в случае *скромничать*; желание вызвать жалость или снисхождение у адресата в случае *прибедняться*. Таким образом, манипулятивность (неискренность и демонстративность), как и крайние проявления скромности, оценивается в русской коммуникативной культуре отрицательно: «Оба синонима содержат и н т е р п р е т а ц и ю говорящим речевых актов субъекта. Они указывают на то, что субъект, с точки зрения говорящего, с л и ш к о м н и з к о оценивает то, что он сделал или имеет, обнаруживая излишнюю скромность или неискренность, вследствие чего его поведение оценивается говорящим о т р и ц а т е л ь н о» [Там же].

Все вышеизложенное позволяет констатировать наличие в русской культуре, наряду с ограничительными параметрами концепта, достаточно отчетливых позитивных представлений о мере, или норме, проявления скромности в рамках описываемого концептуального поля. Для нас важно, что мера «указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта и наоборот. М.– это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики» [ФЭС]. Философами отмечается взаимосвязь в термине «мера» семантических признаков ‘соразмерность’ и ‘нормативность’, очерчивающих представления о количестве, которое соответствует определенному качеству: «Эта соразмерность может содержать в себе те или иные нормативные черты. Так, когда говорят о М. в области морали, то понимают под этим то, что можно назвать “умеренностью” или “мерностью”. Человек, умеренный в этом смысле, – значит человек “скромный”, “воздержанный”, “нераспущенный” [ФЭ].

Исходя из этого социально одобряемая русская общекультурная мера/норма скромности – по данным словарей – концептуализируется в имплицитных правилах и запретах:

1) спонтанные естественные и этикетные проявления скромности в поведении в целом одобряются; речевые проявления, находящиеся за границами концепта, нежелательны;

2) поведенческие проявления скромности должны быть искренними, непритворными и отражающими реально наличествующее этическое качество личности: манипулятивные мотивы (вызвать жалость, понравиться, спровоцировать похвалы в свой адрес) преднамеренной демонстрации скромности осуждаются;

3) крайние, даже искренние, проявления скромности (самоуничижение до потери достоинства, ср. глаг. *лебезить*) нежелательны;

4) включение в речь позитивной самооценки и упоминание о личных достижениях нежелательно, равно как и демонстрация согласия с похвалой / комплиментами в свой адрес;

5) скромность в большей мере должна быть коммуникативно проявлена женщинами, а не мужчинами, молодыми, а не зрелыми людьми;

6) скромность оценивается как позитивное качество личности, если не идет в ущерб социальной, профессиональной, коммуникативной и пр. деятельности человека, не препятствует его самореализации.

Этими основными культурными принципами и определяются границы одобряемого в русской лингвокультуре скрипта скромности как «ценностно маркированной программы поведения» [5. С. 121]. Вполне возможно, что проявление этих принципов в различных сферах общения (официальной / неофициальной), жанрах

(разговор по душам / ссора) и конкретных ситуациях (случайная встреча друзей / праздничное застолье) варьируется, но в пределах их общекультурной идентичности.

В целом можно заключить, что концептуализация скромности в языковом сознании русских как категории ограничения коммуникативных проявлений личности в поведении дает достаточно отчетливые прагматические ориентиры для этнокультурно одобряемой коммуникативной практики как в продуктивной (построение собственного коммуникативного поведения, соответствующего коммуникативному идеалу), так и в рецептивной (оценке чужих коммуникативных проявлений) речевой деятельности. Все вышесказанное позволяет интерпретировать концепт *скромность* как коммуникативную константу культуры, т. е. лингвокультурную конститuentу русского коммуникативного идеала.

Коммуникативная константа – исторически сложившийся и постоянно воспроизводимый в лингвокультуре ценностный концепт, закрепленный в представлениях о коммуникативном идеале и коммуникативной норме; категория дискурса, выполняющая функцию регулятора коммуникативной практики во всех сферах и регистрах общения.

Источники

ASIS – Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. 2013. – URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary>

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – URL: http://gufo.me/content_kuznec/skromnyj-137677.html

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Корпус устной речи. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Языки русской культуры, 2000.

ОДК – Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург, 2000. – URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s162.htm>

Психологос – Козлов Н. И. Психологос: энциклопедия практической психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/skromnost>

РАС – Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. – Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7 000 стимулов. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

РИС – Русский идеографический словарь. – URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx> <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221>

СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1863–1866.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азъ Ltd., 1992.

СРК – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.

СРС – Словарь русских синонимов. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims

ССАб – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русские словари, 1999. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims

ССАл – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 2001.

ССБ – Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – URL: http://syn_ru.academic.ru/124

ССЕ – Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, 1970.

СТСРЯ – Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2007. – URL: http://syn_thesaurus.academic.ru

СУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>

СЭ – Словарь по этике / под ред. И. Кона. – М. : Политиздат, 1981. – URL: <http://ethics.academic.ru>

ТСЕ – Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>

ФЭ – Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – URL: <http://terme.ru/dictionary/180>

ХШ – Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

ЭСК – Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб. : ООО «Виктория плюс», 2004. – URL: <http://krylov.academic.ru/3430>

ЭСПП – Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. – URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru

ЭСС – Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М. : Русский язык от А до Я : ЮНБЕС, 2003. – URL: <http://semenov.academic.ru>

ЭСФ – Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. – М. : Прогресс, 1964–1973. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer>

Литература

1. Воспоминания медиков о В. И. Ленине // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 54. – М., 1964. – С. 176–181.

2. Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. Воспоминания. – URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>

3. Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – Май–июнь. – № 3 (41). – С. 47–60.

4. Зиновьева Е. И. Застенчивый в русской ментальности (лингвистический портрет прилагательного) // Ментальность и изменяющийся мир : коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 5–12. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).

5. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир : коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 13–20. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).

6. Касьянова К. О русском национальном характере. – М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994.

7. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004.

8. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. – СПб. : Златоуст, 2014.

9. Кошманова О. В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.

10. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

11. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 463. – Тарту, 1978.

12. Моральный кодекс строителя коммунизма. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

13. Просвирнина И. С. Концепт «скромность» в русской и китайской лингвокультурах : Сопоставительный лингвокультурологический анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 5 (90). – 2014. – С. 52–56.

14. Простой, как Ленин. «МК в Питере» нашел семейное гнездышко и гараж Зубковых–Сердюковых. – URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/09/26/79201-prostoy-kak-lenin.html>

15. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М. : Флинта : Наука, 2006.

16. Романова О. Кампания по мифологизации образа Сталина: «Простой великий человек» и «Сталин – это Ленин сегодня». – URL: <http://urokiistorii.ru/media/film/2010/09/1-chiaureli>

17. Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под общ. ред. Ю. А. Левады. – М. : Мировой океан, 1993.